

ЖУКОВА Марина Васильевна – аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Е. И. Трубаева

К ВОПРОСУ ТЕКСТОВЫХ ИНТЕНЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО КАК ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Общеизвестно, что овладение лишь фактуальной частью заключенной в тексте информации недостаточно для проникновения в суть произведения. К желаемому результату не приводит и умение овладеть композицией текста, которую преследует автор. Под желаемым результатом имеется в виду максимально близкое автору постижение преподнесенного художественным произведением коммуникативного урока. По мнению М. Я. Дымарского, во всех представленных на сегодняшний день моделях текста не достаёт одного, но очень существенного представления- представления о преобразованиях смысла: «Такие преобразования играют важнейшую роль как в процессе создания текста, так и в процессе его восприятия. Эти преобразования, очевидно, многообразны и пока совершенно не изучены...» [1, с. 145]. Без учета таких преобразований смысла невозможно представить концептуальную и художественно-эстетическую часть информации художественного текста. Именно поэтому возникает необходимость в выявлении преобразований смысла, которые обеспечили бы успешность применения той или иной модели текстообразования как наиболее объективной в возможных интерпретациях смысла художественного текста.

Под преобразованиями смысла следует понимать определенный набор взаимодействующих между собой текстообразующих компонентов, способствующих переходу из эксплицитной формы своего выражения в имплицитную, что позволяет ему стать средством проникновения в суть концептуального, идейно-тематического и художественного содержания. Сильные текстовые позиции, в которых и оказываются заключены преобразования смысла, замещают собой текстообразующие компоненты. Сильной текстовой позицией (СТП) следует считать такое эксплицитно выраженное смыслообразование в тексте, которое намеренно отмечено автором таким образом, чтобы субъект восприятия смог обнаружить и аналитически освоить его.

В момент своего восприятия и обнаружения сильные текстовые позиции образуют особое смысловое единство, которое по своей сути соотносительно с подтекстной информацией, что, в свою очередь, предопределяет дешифровку имплицитного плана их выражения. Сознанием субъекта восприятия они трансформируются, однако свое окончательное подтверждение (или неподтверждение) они приобретают только в той части содержания текстового поля, которая ближе к модальной рамке текста. Этот механизм глубинного погружения в текст необходим. Без него невозможно говорить об успешности коммуникативного акта на уровне текста. Поэтому выявление многомерных текстовых образований, соответствующих авторским интенциям, которые здесь условно названы сильными текстовыми позициями, актуально и необходимо.

Несмотря на относительно достаточный и вполне очевидный репертуар потенциально присутствующих и действующих в художественном тексте текстообразующих компонентов, «замещать сильную текстовую позицию они способны лишь в том случае, если будут вступать между собой в соответствующие специфические отношения, которые при различных коммуникативных перспективах могут быть реализованы или же нейтрализованы» [2, с. 43].

К сильным текстовым позициям, участвующим в преобразованиях смысла, может быть отнесен концептуально значимый предикат, который извлекается субъектом восприятия при повторном прочтении текста на основе логических импликаций из конвенционального содержания словесных единиц. К формированию КЗП может быть отнесено особое взаимодействие дистантно расположенных слов, их нетривиальное использование в тексте за счет уникальных столкновений их семных составов.

Текстовые интенции говорящего, которые могут быть заданы эксплицитно через конвенциональные значения употребленных семных составов слов, в семантическом пространстве текста преобразуются посредством нетривиальных взаимодействий с другими семными составами слов в семантические вехи воспринимающего, представляя собой уже подтекстную часть информации, и перерастают тем самым в текстовые интенции воспринимающего.

Отбор автором того или иного слова, выбор позиции для него в тексте, столкновение семных составов слов, неизбежно приводят воспринимающего к концептуализации выделенных авторскими интенциями смыслов, при переключении с конвенционального значения на его нетривиальное осмысление заставляют воспринимать определенное содержание слова именно как его содержание, что приводит к его концептуализации и к замещению им при интерпретации смысла произведения сильной текстовой позиции в виде концептуально значимого предиката. Посредством именно этого осуществляются необходимые преобразования смыслов, а текстовые интенции автора преобразуются в текстовые интенции воспринимающего.

Список литературы:

1. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
2. Сорокин Ю. А. Что мы делаем, когда переводим художественный текст // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2005. Вып. 1. – С. 44-48.

ТРУБАЕВА Елена Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Н. И. Тюков

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ИСПОВЕДАЛЬНОЙ АВТОБИОГРАФИИ

Категория жанра является одной из ключевых в современной исторической и теоретической поэтике. Однако не уменьшается число проблем, связанных с установлением границ тех или иных жанров, определением их самостоятельности, структуры. Это связано с самой спецификой понятия жанра, его размытостью, зыбкостью границ, «исторической подвижностью».

Жанр исповедальной автобиографии на фоне перечисленных выше трудностей представляется особенно проблемным. Среди факторов, приводящих к неоднозначному отношению литературоведения к художественной природе исповедальной автобиографии, в первую очередь стоит выделить малый объем текстов, репрезентирующих жанр, отсутствие его кодификации в нормативных поэтиках каких-либо литературных традиций, невозможность выделения одного доминантного пути развития и становления жанра (например, подражания и проч.). Поверхностное, на наш взгляд, отношение к ряду специфических жанрообразующих черт произведений рассматриваемого нами типа, приводит к отождествлению их с жанром собственно автобиографии. В этом плане приведение доводов, позволяющих установить отношение жанра исповедальной автобиографии к жанру собственно автобиографии как видового понятия к родовому, является одной из основных задач данной статьи. Решить ее возможно путем выделения основных структурообразующих черт автобиографии исповедального типа, образующих ее жанровую доминанту, и в то же время являющихся дифференцирующими в плане сравнения с классической автобиографией.

К числу автобиографий исповедального типа мы относим ставший классическим текст Блаженного Августина «Исповедь», средневековые латинские исповеди («О своей жизни» Гвибера Ножанского, «Книга об искушениях, переменчивой судьбе и сочинениях» Отлоха Эммерамского и др.). В качестве их типологического продолжения можно рассматривать литературные исповеди Ж. Ж. Руссо, Л. Н. Толстого. Это произведения, формальную и содержательную основу которых составляет ретроспективная автобиографическая рефлексия автора-героя над собственной жизнью, эволюцией своего индивидуального менталитета, выраженная в форме покаяния, самоанализа и самовыражения. Особенно важно отличать исповедальные автобиографии от произведений исповедального типа, в которых исповедальное начало в той или иной степени вступает в синтез с другими жанрами (например, «Житие...» Аввакума, романы «Исповедь сына века» А. Мюссе, «Подросток» Ф. М. Достоевского, повесть Н. М. Карамзина «Моя исповедь», «Перед восходом солнца» М. Зощенко и др.).

Возвращаясь к исследуемому жанру, необходимо сказать, что он не являлся объектом рефлексии в риториках и поэтиках средневековья. Четкого свода правил и принципов построения исповедального текста в истории поэтик нового времени не было тем более. И если подражания Августину у Отлоха Эммерамского и у Гвибера Ножанского вполне естественны, то общность структуры исповедей средневековья и нового времени обусловлена скорее типологическими схождениями (и частично полемикой, согласием или соперничеством с текстом Августина, ставшим в истории европейской культуры прецедентным), а не прямым подражанием или использованием готовых наработок, жанровых форм. В этом плане стоит говорить о том, что основные факторы, позволяющие выделять жанр исповедальной автобиографии, являются не историческими, а типологическими и в данном случае они обусловлены сходными психологическими потребностями авторов и их принадлежностью к общей христианской культуре (даже если речь идет об исповедях Толстого и Руссо). В связи с этим отметим, что основные механизмы смыслопорождения и текстообразования литературной исповеди были предопределены христианской церковной традицией, исповедальной практикой, прочно вошедшей в европейское культурное сознание (даже в период активной секуляризации и обмирщения литературы и культуры в целом), а также психологическими установками самовыражения и самоанализа, что позволяет выделять в исповедальной автобиографии общность тематического содержания, устойчивость композиции, нарративной структуры, системы взаимоотношений автора и героя. Именно с этих плоскостей целесообразно, на наш взгляд, анализировать структуру жанра, выделять его *de jure* как некую типологическую общность.

Научный руководитель: ТАТАРИНОВ Алексей Викторович – доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета.